

[мастер иррационального*}

*Риндзай прав. То, как ты ходишь, смотришь, говоришь... жесты выдают твой внутренний мир. Иначе и быть не может — все, что видно на периферии, приходит из центра.

Ошо

Master of Irrational

[Rinzai*}

ОШНО

*
*Когда встретишь мастера-фехтовальщика —
покажи ему свой меч, когда встретишь человека,
не являющегося поэтом,
не показывай ему свои стихи.*

Риндзай

[мастер
иррационального*}

УДК 141.339(520)
ББК 87.3
О-96

Перевод с английского С. Грабовецкого

Ошо

О-96 Мастер иррационального / Перев. с англ. —
М.: ООО Издательство «София», 2010. — 224 с.

ISBN 978-5-399-00113-5

Ты спрашиваешь Учителя о Боге, ты спрашиваешь его о небесах, ты спрашиваешь его о теологических проблемах, а он издает крик. Твой ум получает удар. На секунду ты останавливаешься, останавливается твой ум — в этом весь секрет медитации.

Ошо говорит о просветленном Мастере Риндзае и погружает тебя в парадоксы дзэн. «...Я рассказываю вам о тех, кто почти забыт человечеством. Мои беседы об этих людях имеют цель: дать вам веру в себя, показать, что вам суждено стать буддой».

УДК 141.339(520)
ББК 87.3

Copyright © 1988 Osho International Foundation,

www. Osho.com.

Все права защищены.

OSHO — зарегистрированная торговая марка Ошо Интернэшнл Фаундэйшн, Швейцария, используется с разрешения (по лицензии).

Книга представляет собой сборник фрагментов из других работ автора.

Ошо — зарегистрированная марка Ошо Интернэшнл Фаундэйшн.

Подробную информацию можно получить на сайте

www.osho.com

Osho International New York

E-mail: oshointernational@oshointernational.com

www.osho.com/oshointernational

ISBN 978-5-399-00113-5

© «София», 2008

© ООО Издательство «София», 2008

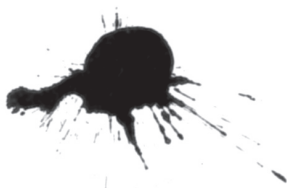
ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово к читателю	7
1. Мастер выкриков	9
2. Пустое сердце, пустой ум	41
3. Войди в переживание или отправляйся восвояси	79
4. Как грубо.	107
5. Расслабься и исчезни	131
6. Отбрось свой ум — это все, что ты можешь сделать	153
7. У пути нет конечной цели	175
8. Выходные не для святых	199
Об авторе	221

Слово к читателю

Конец каждой главы в этой серии книг о мудрецах имеет определенную структуру, которая может озадачить читателя, не присутствовавшего на встречах с Мастером. Вначале наступает «время Сардара Гурудаяла Сингха». Сардарджи — вечный ученик, известный своим неподдельным и заразительным смехом. Время шуток и смеха названо именно в его честь: «А сейчас пришло время Сардара Гурудаяла Сингха». Далее следует практика медитации, состоящая из четырех этапов. Каждый этап медитации начинается после того, как Ошо подает знак барабанщику Ниведано. Барабанная дробь изображается в книге следующим образом:

Первая ступень медитации начинается с *тарабарщины*. Ошо называл ее «очищением ума от всевозможной пыли», «разговором на неизвестном языке», «избавлением от сумасшествия». На несколько минут аудитория просто сходит с ума: тысячи людей орут, визжат, несут вздор, размахивают руками. Тарабарщина изображена в тексте следующим образом:

Вторая ступень включает в себя сидение в тишине, наблюдение, фокусирование сознания на своем внутреннем центре.

Третья ступень — «отпускание», когда медитирующие бессильно падают на землю, растворяя границы, отделяющие людей друг от друга.

Заключительная барабанная дробь приглашает участников вернуться в сидячее положение; далее им дается рекомендация всячески углублять собственный опыт медитации в повседневной жизни. На каждой ступени медитации к собравшимся обращается Мастер. Текст вечерних медитаций воспроизведен здесь полностью.

Глава первая

Мастер выкриков

Риндзай прославился как мастер выкриков. Однажды монах спросил Риндзая:

— Что ты скажешь об основном принципе будда-дхармы?

Риндзай закричал. Монах поклонился.

— Как ты думаешь, это хороший крик? — спросил Риндзай.

Монах ответил:

— Вор в траве потерпел полное поражение.

— В чем ты усматриваешь оскорбление? — спросил Риндзай.

Монах ответил:

— В другой раз это не будет прощено.

Риндзай вновь закричал.

Маниша, в этот тихий и прекрасный вечер мы готовы приступить к медитациям над сутрами Риндзая. Риндзай — один из самых любимых мастеров в дзэнской традиции. Впервые свет был передан Буддой Гаутамой Махакашьяпе. Вторая великая передача света произошла от Бодхидхармы к его преемнику. Бодхидхарма принес из Индии в Китай этот окончательный опыт осознания. Риндзай принес тот же опыт осознания — тот же путь проникновения в себя — из Китая в Японию.

Эти три имени — Бодхидхарма, Махакашьяпа, Риндзай — возвышаются подобно великим гималайским вершинам.

Одна из самых трудных вещей — говорить об опыте на понятном языке и затем переводить сказанное с

одного языка на другой. Это почти невыполнимая задача. Но Бодхидхарма и Риндзай сделали это. Передача лампы требует глубокого понимания — только тогда становятся понятными сутры.

Никакой язык не в состоянии передать внутренний опыт, субъективный опыт. Язык пригоден для объективного мира — чтобы говорить о вещах, о людях. Он не приспособлен для того, чтобы рассказывать о глубинном центре твоего существа, и потому, когда два человека, имеющие одинаковый опыт, встречаются, им не нужны слова. Самого их присутствия, самого их безмолвия, глубины их глаз и изящества их жестов достаточно.

Возможны лишь три ситуации. Первая ситуация: два просветленных существа встречаются и язык им не нужен — их общение осуществляется помимо языка, их встреча — это встреча не-ума.

Вторая ситуация: два непросветленных человека встречаются и очень много говорят. Они говорят друг другу много умных слов, в их разговоре очень много философии, очень много метафизики, но все это бессмысленно. Все это не опирается на опыт. Они, словно попугаи, повторяют слова других людей. Конечно же, они не могут создать язык будд. Они представления не имеют о глубинном центре твоего существа.

Третья ситуация — встреча просветленного человека с непросветленным. Просветленный человек знает, непросветленный человек не знает. Однако знания как такового недостаточно, чтобы суметь его передать. Знать — это одно, перевести знание в слова — совсем другое.

Ты знаешь, что такое любовь. Ты можешь петь песню, можешь танцевать, но не можешь сказать ни слова о том, что такое любовь. Она может быть в тебе, она может переполнять тебя, ты можешь иметь абсолютный опыт любви, но ты не можешь перевести на язык слов даже частицу своего опыта. Слова не предназна-

ны для этого. И перевести это с одного языка на другой почти невозможно.

Даже Будда ничего не говорил Махакашьяпе. Тот просто жил рядом с Буддой много лет, сидел в безмолвии под своим деревом. Махакашьяпа никогда не задавал вопросов, он просто ждал, ждал и ждал. Чем дольше он ждал, тем молчаливее становился. Чем большим было его терпение, тем большими становились его любовь и признательность. Благодаря ожиданию произошла метаморфоза. Махакашьяпа стал другим человеком. Никто бы об этом не узнал, если бы не произошло одно событие:

К Будде пришел великий философ, Маулингапутта. В те времена в Индии существовала традиция — учителя приходили друг к другу, чтобы обсудить те или иные вопросы. Учителя относились друг к другу с большим почтением и все-таки вступали в жестокую схватку. Победенный становился учеником победителя.

Маулингапутта, одержавший победу над сотнями учителей, пришел, в сопровождении пяти сотен последователей, к Будде Гаутаме, чтобы бросить ему вызов. Это не был вызов врага. Это был вызов искателя истины.

Маулингапутта сказал, с большой почтительностью:

— Я хотел бы вызвать тебя на спор.

Будда ответил:

— Не возражаю... но это ничего не решит. Ты спорил с сотнями учителей и всегда одерживал победу, но не потому, что познал истину, а лишь потому, что лучше владеешь логикой и аргументацией — твои доводы были более изощренными. Ты более образован — ты выполнил домашнее задание лучше других, ты умнее, у тебя более острый ум. Но это не значит, что ты обладаешь истиной.

Ты хочешь узнать истину или тебе нужно просто поспорить? Ты спорил сотни раз. И что из этого вышло?

У тебя несколько сотен последователей, но нет истины. Ты взял на себя ответственность за несколько сотен последователей. Понимаешь ли ты, что делаешь?

В те дни процветала честность. И Маулингапутта сказал:

— Ты прав. Из своего опыта я не знаю, что есть истина, но я могу спорить о чем угодно. Я изучил искусство спора.

Он был софист. Софист может спорить о чем угодно и за, и против — ему безразлично.

В Греции до Сократа не было настоящей философии — была софистика. Повсюду ходили учителя и учили людей, как вести спор. Не важно, из-за чего велся спор, не важно, прав ты или не прав, — важно, чтобы твои аргументы оказались весомее аргументов противника. Сократ изменил систему западной философии. Он сказал, что все это — полная чушь. Уметь вести спор не значит обладать истиной. Кто-то другой обладает истиной... и может оказаться, что этот человек не в состоянии высказать ее. Ему и в голову не приходило спорить об истине. Возможно, он даже не может облечь свое знание в слова.

Будда сказал Маулингапутте:

— Если ты действительно ищешь истину, садись рядом со мной. И просиди так два года, словно тебя ничего не интересует, — никаких вопросов, никаких разговоров, — через два года я напомню тебе, что время пришло и ты можешь вызвать меня на спор.

В этот момент Махакашьяпа, тридцать лет просидевший рядом с Буддой, захохотал. Десять тысяч монахов, собравшихся там, не могли поверить своим ушам. Этот человек никому никогда не сказал ни слова — даже Будде. Он никогда не приходил, чтобы коснуться стоп Будды или сказать ему «привет!». Он все время сидел поодаль, под своим деревом. Он монополизировал это дерево, больше никто не мог сидеть под ним.

Что произошло, почему Махакашьяпа засмеялся так громко?

Маулингапутта удивился:

— В чем дело?

— Спроси его сам, — ответил Будда.

Махакашьяпа сказал:

— Все очень просто. Этот человек — Будда Гаутама — хочет подшутить над тобой. Он подшутил и надо мной, сказав, что я должен провести в молчании два года. Прошло уже тридцать лет, и у меня не возникло ни одного вопроса. Мое безмолвие стало более глубоким. Сейчас я знаю, кто я такой. Я познал высшую точку собственного сознания. Нет, я не нашел ответа. Там вообще нет ни вопросов, ни ответов — лишь полное чистое безмолвие.

Так что если хочешь задать вопрос — задавай его сейчас. Все мы будем рады этому. Не нужно ждать два года. Среди нас много таких, кто пришел сюда с тем же намерением. Шарипутра и Моггалайан, а также другие большие философы пришли сюда с тем же желанием — поспорить... но этот барьер в два года... молчание очень опасно. Если ты хочешь о чем-то спросить, спрашивай — сейчас самое время. Вот почему я засмеялся.

Маулингапутта преподнес в подарок Будде прекрасный цветок лотоса. Будда подозвал к себе Махакашьяпу и передал цветок ему. В дзэнской традиции это называется «первой передачей». Ничего не было сказано, но все было услышано. Безмолвие Махакашьяпы и его детский смех достаточно сказали о том, что он обрел истину. Передача цветка лотоса Махакашьяпе — это вручение сертификата.

Махакашьяпа стал первым патриархом дзэнской традиции. После него было шесть других патриархов. Вновь и вновь от учителя к ученику передавался огонь — в безмолвии. Шестым патриархом стала женщина, и Бодхидхарма — ее ученик. Это были золотые

дни, когда женщина, особенно на Востоке, считалась не ниже мужчины и могла стать учителем. Женщина передала свое знание Бодхидхарме и сказала ему: «Твоя задача — перейти через Гималаи и попасть в Китай».

Это было трудное задание. Во-первых, нужно было пройти пешком через Гималаи. Бедному Бодхидхарме, чтобы добраться до Китая, потребовалось три года. Еще одним величайшим препятствием было то, что он не знал китайского языка. Однако Бодхидхарма выполнил свою задачу. Со временем вокруг него собрались люди, которые действительно чувствовали жажду.

Бодхидхарма безмолвно сидел лицом к стене — вот и все, что он делал. Это продолжалось на протяжении девяти лет, и те, кто хотел, приходили и садились вокруг него. Люди просто сидели рядом с ним и ничего не говорили, ничего не спрашивали. Какая-то энергия пришла в движение. Что-то стало происходить с людьми. Стиль их жизни изменился. В их жизни появилась красота.

По прошествии четырнадцати лет Бодхидхарма покинул Китай и вновь исчез в Гималаях. Он был уже стар. Он не мог найти лучшего места, чтобы исчезнуть, — полное безмолвие, вечный снег на вершинах гор, тысячи мест, где не ступала нога человека.

Прежде чем уйти, он созвал своих учеников и обратился к ним:

— Я ухожу, мой час наступил. Это тело больше не может носить меня в себе. Вскоре мое сознание раскроет крылья и улетит. Прежде чем это произойдет, я хочу уйти в Гималаи. Один из вас должен стать моим преемником. Но вам нужно пройти испытание. Я задам каждому из вас один и тот же вопрос. От ваших ответов будет зависеть, кто именно станет моим преемником.

— Какова суть моего прихода из Индии в Китай? — спросил Бодхидхарма.

Первый ученик ответил:

— Ты пришел сюда, чтобы распространить великое учение Будды Гаутамы.

— Ты прав, но не до конца, — ответил Бодхидхарма, — ты — моя кожа. Садись.

Затем он обратил взгляд на второго ученика, и тот ответил так:

— Твой приход в Китай знаменует революцию в глубине сущности — переход от бессознательного к осознанию.

Бодхидхарма сказал:

— Так лучше, но все же недостаточно. Садись!

Он взглянул на следующего ученика, этот ученик ответил:

— Ты пришел учить тому, что не может быть сказано.

Бодхидхарма сказал:

— Твой ответ лучше двух предыдущих. Но сказав, что об этом ничего нельзя сказать, ты все же сказал кое-что. Садись. Первый получил мою кожу, второй получил мою плоть, ты получил мои кости.

Бодхидхарма посмотрел на четвертого ученика. Четвертый ученик подошел к учителю со слезами на глазах и, не сказав ни единого слова, поклонился ему и прикоснулся к его стопам. И тогда Бодхидхарма произнес:

— Ты получил мой костный мозг. Ты — избранный. Твои слезы сказали то, что не сказали бы никакие слова. Твое исполненное признательности молчание сказало то, что не вместили бы никакие умные фразы.

Риндзай пришел вслед за другими патриархами. Так же как Бодхидхарму послали в Китай, Риндзай был послан в Японию. Задание Риндзая было столь же трудным. И так же как Махакашьяпе, так же как Бодхидхарме, ему удалось создать безмолвие, в котором люди обращали свой взор внутрь себя.

Это не лингвистическое послание.

Это — экзистенциальное послание.

Учитель создает определенную ситуацию, придумывает определенный прием, благодаря которым ты — конечно, если ты уже обладаешь достаточной чувствительностью и восприимчивостью — можешь преобразиться. Такое преобразование почти то же самое, что смерть и последующее воскрешение. Твоя прежняя личность исчезает. Твое истинное лицо проявляется.

Лицо, которым ты обладаешь сейчас, вовсе не твое лицо — оно дано тебе обществом, культурой, образованием и родителями. Твоя личность — вовсе не твоя подлинная личность; твоя подлинная личность покрыта многослойной ложью, удобной для общества.

В присутствии учителя неподлинная личность попросту отваливается; так опадают мертвые листья. Ты оказываешься совершенно голым — будто младенец. Все заимствованное знание исчезает, и ты становишься невинным, как дитя. Такая невинность не нуждается ни в каких словах.

Вот что случилось с Маулингапуттой. Спустя два года он совершенно позабыл о времени. Эти два года были исполнены такого безмолвия... Вначале он вел счет дням. Затем позабыл о днях. Какое-то время мысли проплывали в его мозгу... но сколько они могут там проплывать? Если твои мысли тебя не интересуют, если ты — зеркало, они проплывают как облака и исчезают, не оставив следа. По истечении двух лет Маулингапутта стал сама невинность — ни вопросов, ни ответов, ни желания спорить. Все части его личности, которые могли бы спрашивать и спорить, испарились в энергетическом поле будды.

И тогда Будда обратился к Маулингапутте:

— Ты не забыл? Два года миновали. Сейчас, если ты хочешь бросить мне вызов, если ты хочешь задать мне вопрос или обсудить что-нибудь, — не стесняйся. Я готов.

Маулингапутта, прикоснувшись к стопам Будды, сказал:

— Махакашьяпа был прав. Меня уже нет. Некому спорить с тобой. Меня уже нет. Некому спрашивать и некому выслушивать ответы. Эти два года пролетели так быстро. Кажется, лишь вчера я пришел сюда. Ты совершил чудо.

Будда сказал:

— Я ничего не сделал. Ты просто вошел в единый ритм с сердцем учителя. Ты постепенно таял и таял под лучами любви учителя. Я знал, двух лет достаточно, чтобы процесс завершился. Прости меня, что я заставил тебя столько ждать, но нет другого способа соприкоснуться сердцами, соприкоснуться душами.

То же чудо Риндзай совершил в Японии. Заслуги Риндзая невозможно переоценить — в Японии дзэн достиг вершины своего развития. Семя цветка родилось в Индии, в Будде Гаутаме. Махакашьяпа пронес цветок через шесть поколений. Бодхидхарма, который принес этот цветок в Китай, был седьмым. Даже император вышел встречать Бодхидхарму — его слава опережала его. Но и император не мог понять путь дзэн.

Дзэн имеет свой путь, свой подход, которого нет ни в одной другой религиозной традиции. Дзэн — уникален, он — особая статья.

Император Ву проделал большой путь — от столицы Китая до самой границы, — чтобы встретить Бодхидхарму. И он был ошарашен тем, что увидел: Бодхидхарма поставил одну туфлю себе на голову, а другую надел на ногу.

Император был утонченным и воспитанным человеком. У него при дворе было много высокообразованных людей. А тут такое поведение... Он ничем не выразил своего отношения. Его даже не представили Бодхидхарме. Императору вообще не хотелось лицезреть туфлю у того на голове.

Император... это был человек, построивший тысячи статуй Будды в Китае, человек, пригласивший тысячи индийских ученых, чтобы те вместе с китайскими книжниками перевели буддийские тексты на китайский язык. Он очень много сделал — он обратил всю страну в буддизм. И монахи часто говорили ему: «Ты накопил много добродетели. Все эти добродетельные поступки... тебя ожидает огромная награда на том свете!»

Так вот, император спросил Бодхидхарму:

— Я совершил все эти поступки. Какая же награда меня ждет?

Бодхидхарма ответил:

— Ты — идиот! Ты прямиком отправишься в ад. Ты спрашиваешь о награде? Это свидетельствует о твоей алчности. Сама твоя мысль о том, чтобы что-то получить, говорит, что в тебе нет мудрости.

Император был ошарашен. Весь его двор был ошарашен. Но как выйти из этого положения? Бодхидхарма оказался вовсе не тем человеком, которого следовало приглашать в страну. Однако император решил не обращать внимания на оскорбительный тон Бодхидхармы и задать ему другой вопрос. Он начал говорить:

— Святейший... — но так и не смог окончить фразу.

— Ничто не свято, — ответил Бодхидхарма, — и ничто не несвято. Все пусто — чистая пустота. Эти разграничения, существующие в уме, на священное и нечестивое, святое и грешное, исчезают, когда ты погружаешься в глубокую медитацию. Все разграничения перестают существовать. Потому не называй меня «святейший», я давно уже позабыл детский язык, в котором существуют такие слова, как «святое» и «нечестивое». Говори без обиняков.

Император сказал:

— Мой постоянно переполняют мысли. Я читал буддистские тексты, в них сказано, что, пока ты не из-

бавишься от мыслей и не придешь к окончательному осознанию, тебе не постичь истины.

Ответ Бодхидхармы был совершенно неожиданным — он был непредсказуемым человеком, никто не мог знать заранее, что он скажет и как поступит. Бодхидхарма ответил императору:

— Если проблема в этом, приходи ко мне завтра утром. Я не собираюсь жить в Китае. Я буду жить тут, в этом маленьком храме. Ты можешь прийти ко мне в три часа утра. Но приходи один — без свиты, без охраны, без оружия. Просто приходи, и я освобожу твой ум от всех мыслей. Я поселю безмолвие в твой ум.

Император не на шутку испугался. Этот человек показался ему чуть ли не сумасшедшим. Всю ночь он не спал. Взвешивал все «за» и «против»: «...этот человек явно ненормален — надел одну туфлю на голову, назвал меня «идиотом»... у самого здоровенный посох, а мне сказал приходить безоружным. Он же способен на все — может ударить меня, может запустить в меня камнем...» — император все думал и думал.

При этом он чувствовал, что его тянет к Бодхидхарме: «Что бы он ни говорил, как бы он себя ни вел, он обладает огромной притягательной силой. Я, пожалуй, рискну».

В назначенное время он отправился в храм. Бодхидхарма уже ждал его. Он сказал императору:

— Все очень просто. Садись вот здесь. Я сяду напротив. Видишь мой посох. Если я почувствую, что какая-то мысль упорствует и не хочет оставить тебя, я ударю тебя посохом по голове. Твоя задача — просто наблюдать за своими мыслями, не вынося суждений. Просто будь наблюдателем.

Император подумал: «Наверное, я совершил ошибку. Этот человек может ударить меня в любую минуту — ведь мой ум полон мыслей. Но мне придется сесть перед ним. Мой отказ будет выглядеть как трусливое

бегство». И он уселся перед Бодхидхармой, чтобы наблюдать за своими мыслями.

Наблюдать за мыслями — значит не выносить никаких суждений, не делать никаких выводов, ни с чем себя не отождествлять. Нужно просто сидеть и наблюдать, как если бы ты наблюдал за толпой людей или за облаками в небе, — без всяких суждений. Твой ум — всего лишь экран. По нему плывут облака; ты просто наблюдаешь. Ты — наблюдатель. Все остальное — объект наблюдения.

Солнце начало всходить, и аура императора изменилась. Всего за два часа в его голове не осталось ни одной мысли. Наблюдение — это огонь, который сжигает всю фальшь, всю шелуху на своем пути, — огонь, который ведет к истине. Бодхидхарма увидел, как изменилось лицо императора, как оно осветилось внутренней красотой. Он хлопнул императора по плечу:

— Остались еще какие-то мысли?

Император упал на землю к ногам Бодхидхармы и воскликнул:

— Да, ты сделал это! Прошу тебя, не оставляй Китай. Все эти ученые, все эти монахи, все эти священники — скопище попугаев. Все они только говорят о том, что нужно наблюдать и быть свидетелем, но лишь ты дал мне это переживание. Не обучая меня наблюдению, ты сделал из меня наблюдателя. Мне больше ничего не нужно.

В тот миг, когда ты приходишь к наблюдению, ты обретаешь свою вечную сущность. Это — твое чистое сознание. Оно делает тебя буддой, и таков потенциал каждого из нас.

Риндзаю удалось преобразить сознание японцев. Он сделал больше, чем кто-либо иной. Он привнес в медитацию новые измерения. Невероятно, но он сумел *все* преобразовать в медитацию. Например, стрельбу из лука... Вряд ли кому-то придет в голову, что стрельба из лука может быть медитацией. Однако Риндзай

считал, что всякое действие, если оно совершается с полным осознанием (если ты свидетель, а не просто исполнитель), становится медитацией.

Небольшая биографическая справка о Риндзае, мастере иррационального:

Риндзай, также известный как Линьцзи, основатель одной из главных школ дзэн-буддизма, родился в начале девятого века.

Став монахом еще в детстве, Риндзай, изучал сутры и тексты. Не найдя в них ответа, он решил совершить паломничество и посетить двух великих мастеров — Обаку и Дайгу. Обретя просветление, Риндзай стал священником в маленьком храме, расположенном на берегу реки Ху-Тё.

Маниша спрашивает:

Наш любимый Мастер!

Риндзай прославился как мастер выкриков...

Его прием состоит в том... он использует крик, чтобы ты замолчал, — внезапный выкрик.

Ты спрашиваешь его о Боге, ты спрашиваешь его о небесах, ты спрашиваешь его о теологических проблемах, а учитель издает крик. Твой ум получает удар — подобно удару электрическим током. Какую-то секунду ты не существуешь. Существует лишь крик. На секунду ты останавливаешься, останавливается твой ум — в этом весь секрет медитации.

Многие мистики мира использовали звук, но они занимались этим не всерьез. Риндзай занялся этим очень глубоко. Его крик подобен шпаге — он вонзается в тебя, проникает в самый центр твоего существа.

Ну-ка попробуй! Выкрикни «Яаа-Хуу!» — твой ум исчезает. В «Яаа-Хуу!» нет никакого смысла, но крик

отбрасывает тебя в самый твой центр. И прикоснувшись к своему центру, ты хотя бы на секунду изменяешь свою жизнь.

Риндзай кричал на своих учеников, чтобы дать им первое представление об их центре. Ты одновременно являешься и периферией, и центром. Ты живешь на периферии, крик отбрасывает тебя в центр. Оказавшись хоть раз в центре, ты замечаешь, что изменился весь мир. Твои глаза уже не те, что были прежде, — прозрачность и ясность видения стали абсолютными. Ты видишь те же листья, те же розы, но краски стали яркими — твоя жизнь становится праздником, обрядом. Ты влюбляешься в танец.

Ученики, когда они поняли, что крик может помочь им достичь центра собственного существа... Это было странное зрелище — когда Риндзай стал собирать учеников на берегу реки. Ученики кричали в долине, и долина наполнялась эхом выкриков. За несколько миль было слышно, что ты приближаешься к месту, где сидит Риндзай. Дело не в том, что он кричал. Дело в том, что он отбрасывал тебя криком к твоему центру.

Существует множество способов отбросить тебя к центру. Каждый из них ценен, ведь центр — это единственная важная часть, которая в тебе есть. Все остальное рано или поздно умрет.

Сегодня в аудитории сидит профессор Баркс. Он проделал огромную работу, переведя Руми. Профессор перевел слова Руми настолько точно, как мог. Однако я думаю, он не знает, что все усилия Руми были направлены на то, чтобы достичь центра. Вращаясь на протяжении нескольких часов, ты почувствуешь: что-то в тебе остается неподвижным. Эта неподвижная часть и есть ты. Твое тело вращается, но твое сознание — столб света.

Руми обрел просветление, вращаясь непрерывно на протяжении тридцати шести часов. Люди думали, что он сошел с ума. И по сегодняшний день небольшая

группа его последователей продолжает практиковать это. Их прозвали вращающимися дервишами. Суть все та же: вращаясь, твое тело превращается в циклон. Центром этого циклона становится твое созерцательное «я». Все движется вокруг, центр остается неподвижным. Познать этот неподвижный центр — значит обрести ключ, открывающий дверь ко всем тайнам жизни.

Риндзай ничего не знал о Руми, так же как и Руми ничего не знал о Риндзае. Но оба преследовали одну цель — привести тебя к центру. По мере того как твое сознание становится все более глубоким, по мере того как твой путь к центру становится все более легким (как если бы ты выходил из дома и потом возвращался обратно), ты становишься буддой.

Затем постепенно центр начинает изменять твою периферию. Ты не можешь быть жестоким, ты не можешь быть разрушителем; ты можешь быть любовью. Нет, не любить — быть любовью. Тогда ты — безмолвие, тогда ты — истина, твое старое «я» исчезло. «Я» было периферией циклона. Его уже нет — остался лишь центр.

Метод Риндзая проще, чем метод Руми. Далеко не все могут вращаться на протяжении многих часов. Крик — куда проще. Каждый может кричать, и каждый может кричать от всей души, и такой крик будет весьма действенным средством. Тебе потребуется много часов, чтобы, вращаясь, добраться до центра. Закричав, ты можешь оказаться в центре в ту же секунду.

Но вернемся...

*Риндзай прославился как мастер выкриков.
Однажды монах спросил Риндзая:*

— Что ты скажешь об основном принципе будда-дхармы?

Он спрашивает о чем-то важном — об основном принципе буддизма.

Риндзай закричал. Монах поклонился.

— Как ты думаешь, это хороший крик? — спросил Риндзай.

Монах ответил:

— Вор в траве потерпел полное поражение.

— В чем ты усматриваешь оскорбление? — спросил Риндзай.

Монах ответил:

— В другой раз это не будет прощено.

Риндзай вновь закричал.

Первый крик Риндзая был что надо. Монах поклонился, потому что он испытал огромное облегчение, сдвинувшись с периферии в центр. Но Риндзай был недоверчив. Поскольку все в мире рано или поздно становится традицией, крики Риндзая и поклоны в ответ на них также превратились в традицию. Кланяясь, ученик показывал, что крик достиг его центра. Это стало традицией.

Очень плохо, когда что-то становится традицией, ритуалом, привычкой и теряет значение. Поклон мог оказаться истинным ответом, но мог быть и просто маневром. Вот почему Риндзай спросил:

— Как ты думаешь, это хороший крик?

Монах ответил:

— Вор в траве потерпел полное поражение.

Что он имел в виду? Монах говорит: «Ты потерпел неудачу. Выстрел не попал в цель».

Монах ответил:

— Вор в траве потерпел полное поражение.

— В чем ты усматриваешь оскорбление? — спросил Риндзай.

Монах ответил:

— В другой раз это не будет прощено.

Монах говорит: «*Выстрел не попал в цель*». Он не говорит, что второй выстрел в него не будет прощен; он говорит: «*Твой промах не будет прощен. — В другой раз это не будет прощено*. Хотя ты и промахнулся, не проник в мой центр, я простил тебя. Я поклонился, поскольку ты старался — старался изо всех сил. Но во второй раз это не будет прощено».

Каждый читающий эти строки может подумать, будто монах говорит: «Если ты закричишь во второй раз, я тебе этого не прощу». Но это вовсе не так, он говорит: «Во второй раз промах не будет прощен».

Риндзай вновь закричал. И тут история внезапно заканчивается. После крика наступило безмолвие. Второй крик удался. Монах молчит, Риндзай молчит.

Существует долгий постепенный путь к себе — как в йоге. Но приемы Риндзая очень просты, для них не требуется никакая предварительная система упражнений. Любой... не нужно обладать особым характером... плохой ты или хороший, святой или грешник, все равно. Важно достичь центра, потому что в центре ты не святой и не грешник. Ты можешь быть святым или грешником только на периферии; все определения — поверхностны.

Мне вспомнился великий последователь Будды, Нагарджуна. Он жил голым. Возможно, Нагарджуна — величайший логик, когда-либо живший на земле. Аристотель не может с ним сравниться, как, впрочем, и Шанкара. Аргументация Нагарджуны более изощренная. Но он любил ходить нагишом (красавец!). Его учениками были даже цари и царицы. Однажды царица — ученица Нагарджуны — обратилась к нему:

— Не откажи мне в просьбе. Я хочу взять твою миску для подаяний.

— О чем речь! — ответил он. — Конечно же, ты можешь взять ее себе.

— Но это лишь половина моей просьбы, — продолжала царица. — У меня есть миска для подаяний, которую я приказала сделать для тебя. Свою миску ты отдашь мне — это будет для меня самый драгоценный дар. А ты примешь в дар от меня другую миску. Ты не сможешь мне в этом отказать.

— Но я еще не видел ее, — ответил Нагарджуна.

Царица сказала:

— Не важно, видел ты ее или не видел. Вопрос не в этом. Сначала дай мне слово, что ты не отвергнешь мой подарок.

— Хорошо, я обещаю не отказываться, — сказал Нагарджуна.

И царица поднесла ему миску из чистого золота, украшенную бриллиантами. Нагарджуна сказал:

— Ты не совсем понимаешь ситуацию. Не важно, откажусь я от этой миски или приму ее от тебя. Я не смогу сохранить ее. Подумай: голый человек с золотой миской, усеянной большущими бриллиантами! Да разве я смогу сохранить ее? Но раз я обещал, я приму твой дар.

За этой сценой наблюдал вор. И он пошел следом за Нагарджуной. Вор знал, что этот человек живет в заброшенном храме за городом и каждый раз, пообедав, засыпает. Это подходящее время, чтобы украсть миску. Все равно кто-нибудь да украдет...

Итак, вор спрятался за стеной храма возле окошка. Нагарджуна приготовил себе место для сна. Он прекрасно знал, что кто-то следит за ним. «Зачем понапрасну мучить человека, заставляя его долго ждать? Я собираюсь лечь спать, так пусть же он заберет эту золотую миску. Лучше я сам отдам ее. Зачем вынуждать

человека красть?» И Нагарджуна швырнул золотую миску в окно, за которым притаился вор.

Вор не мог поверить своему счастью. Какой странный человек Нагарджуна! Вору захотелось приблизиться к этому человеку и сесть у его ног. И он спросил Нагарджуну через окно:

— Могу ли я войти?

Нагарджуна ответил:

— А как ты думаешь, зачем я швырнул миску через окно? Чтобы ты вошел сюда! Так что давай заходи! Это — приглашение.

Вор ничего не понял, но его поразили слова этого человека.

Нагарджуна сказал:

— Я не хотел делать тебя вором, вот почему я швырнул миску в окно. Ты можешь забрать ее себе.

— Она такая дорогая, — ответил вор, — а ты — господин над самим собой. Я тоже надеюсь, что однажды перестану быть вором и буду таким же господином над самим собой, как и ты.

Нагарджуна сказал:

— Зачем тянуть с этим? Секрет очень прост. Ты можешь стать господином.

— Ты не понимаешь, — сказал вор, — я — вор, прирожденный вор. Я не могу удержаться от соблазна.

Нагарджуна сказал:

— Это ничего не значит. Ты можешь оставаться вором. Я научу тебя одной простой медитации: что бы ты ни делал, где бы ты ни воровал (даже если будешь воровать во дворце), оставайся свидетелем своих действий. Я не хочу, чтобы ты перестал быть вором. Делай все что угодно, но делай это с полным осознанием. Будь свидетелем.

Вор сказал:

— Так просто! Я приходил ко многим святым, и все они говорили: «Вначале перестань воровать, иначе не

сможешь стать религиозным человеком». Ты — первый, кто не требует от меня бросить воровство.

Нагарджуна сказал:

— Те святые, к которым ты обращался, — вовсе не святые. Ни один святой не станет требовать, чтобы ты бросил воровать. Зачем? Вруй на здоровье! Но оставайся свидетелем.

На третий или на четвертый день вор пришел к Нагарджуне со словами:

— Ты очень умен. За эти дни у меня было столько возможностей что-нибудь украсть, но каждый раз, когда я собирался красть, мои руки опускались. Я наблюдал за собой, и мне становилось стыдно, что я ворую, мои руки отказывались меня слушаться. За четыре дня я так ничего и не украл.

Нагарджуна ответил:

— Теперь это твоя проблема. Ты можешь выбирать: красть или наблюдать.

И этот человек сказал:

— Я начал уважать себя. Я не могу не наблюдать. Я пойду за тобой.

Наблюдение отбрасывает тебя к твоему центру. В центре ты — будда. Не важно, кто ты был на периферии. Как только ты начинаешь жить в центре, цвет периферии изменяется. Периферия становится столь же чистой, как и ты в центре. Она становится столь же сострадательной, как и ты в центре. Она впитывает в себя аромат центра.

Истинная религия не учит морали. Мораль приходит сама по себе. Истинная религия учит тебя жить в твоем собственном центре. Отсюда проистекает все добро, и зло становится невозможным. Речь не идет о выборе между добром и злом; ты хорош и так, без всякого выбора. Ты не должен становиться хорошим; ты просто не можешь быть иным.

В этом — чудо дзэн.

Дзэн означает наблюдение.

Эти выкрики просто отбрасывают тебя в центр. Узнав, что такое быть в центре, ты начинаешь понимать, что на периферии ты всегда нищий, тогда как в центре ты всегда император. А кто хочет быть нищим?

Религия — это алхимия, превращающая нищих в императоров.

Великий дзэнский поэт Иккю писал:

*Безумец,
переворачиваю все вверх дном,
шатаюсь то там, то тут,
между борделями и пивными.
Найдется ли просветленный монах,
способный тягаться со мной
или хотя бы с одним моим словом?
Я рисую юг; я рисую север;
я рисую запад и восток.*

Он говорит: «Люди считают меня безумцем...»

Безумец, переворачиваю все вверх дном, шатаюсь то там, то тут, между борделями и пивными.

Подлинный будда не боится борделей и пивных. Те, кто боятся, — не свободны. Они — не преображенные существа.

Найдется ли просветленный монах, способный тягаться со мной?

Будда может приходить на базар совершенно свободно. Те, кто отрелись от мира, — трусы, беглецы; они разрушили все религии мира. Все религии попали в руки трусов.

Подлинно религиозный человек — лев. Он настолько центрирован в себе, что не боится находиться где угодно. Он уверен в своей чистоте, в своей вечности, в своей божественности. Он знает — если к нему при-

дет вор, придется измениться вору; если к нему придет проститутка, придется измениться проститутке.

Наши так называемые святые боятся всего этого. Их страх указывает на их несвободу. Несвободный человек не может быть религиозным — он болен. Его болезнь требует лечения у психиатра.

Первый вопрос.

Маниша спрашивает:

Наш любимый Мастер!

Наша любовь к музыке, поэзии, танцу, наша любовь к самой любви — не говорит ли все это о нашей потребности исчезнуть?

Тогда почему медитация — искусство исчезать — не возникает сама по себе?

Маниша, музыка, поэзия, танец, любовь — лишь поддела. Ты исчезаешь на мгновение и тут же возвращаешься назад. Мгновение такое короткое...

Великий танцор Нижинский говорил: «Когда танец переходит в крещендо, меня больше нет. Есть только танец». Но это длится недолго. Затем ты возвращаешься. Я считаю, что поэзия, музыка, танец, любовь — не более чем суррогат медитации. Все это хорошо, прекрасно, но это — не медитация. Медитация не приходит к тебе сама собой, потому что в медитации ты должен исчезнуть навсегда. Возврата нет, и это порождает страх.

Медитация есть смерть — смерть всего того, чем ты являешься сейчас. Безусловно, тебя ждет воскрешение, но воскреснет совершенно новое, неизвестное существо, которое скрыто глубоко в тебе.

То же самое происходит в поэзии, музыке, танце, но недолго — лишь тот краткий миг, когда ты, отбросив свою личность, соприкасаешься с собственной инди-

видуальностью. И поскольку это длится лишь краткий миг, ты не пугаешься; ты всегда возвращаешься назад.

В медитации ты умираешь и затем, воскреснув, становишься совершенно иным человеком. Старая личность бесследно исчезла. Тебе приходится начинать жизнь сначала. Ты должен изучить все заново — новыми глазами, новым сердцем. Вот почему медитация внушает страх.

В *Упанишадах* сказано: учитель есть смерть. Но это неполное определение. Учитель есть смерть, но учитель также и возрождение, воскрешение. Учитель — не что иное, как медитация. Учитель дает тебе медитацию — ничего больше он просто не может для тебя сделать. Он дает тебе медитацию, чтобы ты умер и возродился.

Медитирующий может исполнить музыкальное произведение, и оно обретет совершенно иной смысл. Медитирующий может написать стихи, и его стихи будут выражать невыразимое. Медитирующий может делать все что угодно, во всех его творениях появится новая прелесть, новая красота, новое значение.

Музыка, поэзия, танец и любовь могут стать помехой для медитации в том случае, если ты остановишься на этом. Вначале приходит медитация и лишь затем — великая музыка и великая поэзия. Ты — просто пустая бамбуковая флейта. Вселенная поет песни через тебя, танцует танцы через тебя. Ты лишь адрес — почтовый ящик. Бытие выражает себя, а ты — лишь пустой бамбуковый стебель.

Медитация сделает тебя пустым бамбуковым стеблем; что бы ни проходило сквозь тебя, твое пустое сердце будет принадлежать бытию.

И тогда бытие поет песни. Лишь немногие песни... Например, в Библии, в Ветхом Завете Песнь песней Соломона принадлежит бытию. Странно, но иудеи даже не хотят вспоминать Песнь Соломона. Им очень не нравится, когда кто-нибудь открывает эту Песнь для

себя. Она такая прекрасная, такая подлинная, такая правдивая... в нашем мире лжи, лицемерия и фальши все подлинное вызывает подозрение.

В *Упанишадах*, в «Книге Дао» или «Книге Мирдад» лишь несколько текстов... Старая классическая музыка — несколько отрывков пришло от самого бытия, музыкант был просто инструментом. Он позволил чему-то принять форму, пропустил сквозь себя. Как по мне, поэзия, музыка, любовь и танец — куда ближе к подлинной религии, чем так называемые религиозные обряды. По крайней мере, они дают возможность хоть на миг заглянуть вглубь. Заглянув вглубь, тыходишь в медитацию.

Медитации мешает страх смерти. Ты ведь не знаешь, ждет ли тебя воскрешение. Учитель должен дать тебе обещание: «Ничего не бойся. То, что умрет, не есть ты, то, что воскреснет, — твоя подлинная сущность».

Медитация — опасный путь, самая опасная вещь на свете. Тебе нужен тот, кто уже побывал на этом пути, кто прошел его — прошел и вернулся. Тебе нужен тот, кто сможет вселить в тебя бесстрашие, отвагу, чтобы ты решился сделать квантовый скачок.

А сейчас пришло время Сардара Гурудаяла Сингха.

Нэнси Рейган отдает в стирку белье своего мужа, Рональда Рейгана. Похоже, шариковая ручка сломалась в кармане президента, паста вытекла, слева на белой сорочке расплылось отвратительное красное пятно.

Хозяин прачечной китаец Вонг долго разглядывает сорочку, затем одобрительно кивает головой и говорит Нэнси:

— Отличный выстрел!

Рональда Рейгана судят за издевательство над самкой шимпанзе в Вашингтонском зоопарке. Присяжные единогласно признают его виновным.

Старый судья Ворчун обращается к Рейгану:

— Господин президент, хотите ли вы что-нибудь сказать в свое оправдание, прежде чем я вынесу приговор?

— Ваша честь, — отвечает президент-маразматик, — если бы я знал, что поднимется такой шум, женился бы на этой сучке!

Отец Дингл приехал в Иерусалим, посетить святые места. Из любопытства он решает взглянуть на иудейскую святыню, Стену Плача. У Стены он видит иудеев, которые молятся, дико жестикулируя. Неподалеку неподвижно стоит человек и что-то тихо бормочет. Это заинтересовало святого отца, который решил, что иудеи не могут молиться, соблюдая спокойствие.

— Добрый вечер! — сказал отец Дингл, приблизившись к незнакомцу. — Меня зовут отец Дингл. Я подошел к вам, потому что заметил — вы молитесь иначе, чем все остальные.

— Молюсь? — отвечает ему старый еврей Мойша. — Разве я молюсь? Я просто прошу у Бога совета.

— Не хочу показаться назойливым, но какого рода совет вы хотите получить от Бога? — спрашивает святой отец.

— Да какой угодно! Выходить ли моей дочери замуж за ее дружка-американца, который мне не по нутру? Стоит ли мне отпускать моего сына в Пуну? Как расшевелить мою жену Сару в постели? Ну и так далее...

— Понятно, — отвечает отец Дингл, — и что же отвечает Бог?

— Ничего не отвечает! — говорит Мойша. — Я прихожу сюда уже тридцать лет, и каждый раз

*он молчит! Все равно что разговаривать с ка-
менной стеной!*

Ниведано...

Ниведано...

*Погрузись в тишину.
Закрой глаза.
Почувствуй, как замерло твое тело.
А теперь безоглядно обратись внутрь себя.
Погружайся в себя, насколько можешь.
Глубже и глубже...
Пока не достигнешь истоков своего существования,
В тот миг, когда ты достигнешь центра,
ты — будда.*